

История любви
в истории Франции

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR
DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*Загадочные
Женщины
XIX века*

ТОМ 10

 ЭТЕРНА

Москва, 2018

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)
Б87

*Дизайн — Александр Архутик
В оформлении использован фрагмент работы
Амедео Модильяни «Лежащая обнаженная» (1917)*

Бретон, Ги

Б87 История любви в истории Франции: Т. 10. Загадочные женщины XIX века / Пер. с фр. В. В. Егорова. — М.: Этерна, 2018. — 400 с.

ISBN 978-5-480-00059-7

ISBN 978-5-480-00340-6 (т. 10)

«...Женщины, посещавшие Тюильри... под широкими кринолинами скрывали дьявольский темперамент, что, кстати говоря, полностью отвечало запросам Наполеона III, ибо император, будучи эротоманом, приходил в возбуждение при виде любой юбки. А это значит, что в период с 1852 по 1870 год придворные дамы были полными хозяйками империи. Он с опьянением овладевал ими на сундучке, в тамбуре, на уголке стола, за шторой, в шкафу, и они извлекали из своей внешней слабости большую политическую силу.

И можно сказать, как бы это ни казалось странным, что на протяжении восемнадцати лет Францией правили легкодоступные дамы».

**УДК 94(4)
ББК 84-4 (Фр)**

ISBN 978-5-480-00059-7
ISBN 978-5-480-00340-6 (т. 10)

© В. В. Егоров, перевод, 2018
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2018

Именно во Франции, в этой стране волокит, женищины добивались господства самым простым способом, и власть их была безгранична...

АНДРИАН ДЕЛРЕЗ

Рассказывают, что однажды вечером 1867 года в саду дворца Тюильри некая баронесса де П. попыталась соблазнить молодого короля Людвига II Баварского, прибывшего в Париж на выставку.

Монарх, который, по слухам, был еще девственником, чувствовал себя явно неловко: его смущали игривые и фривольные намеки прекрасной соблазнительницы. Внезапно он увидел парковую статую и произнес:

— Я с удовольствием полюбил бы женщину, которая была бы такой же белой и каменной, как вот эта статуя.

Госпожа де П. улыбнулась:

— Сир, вы хотели бы повторить историю Пигмалиона...

— Да. Но ведь это невозможно, не так ли? Молодая женщина промурлыкала:

— Что вы, сир, нет ничего проще!

— Вы полагаете?

— Уверена!

— И как же вы предлагаете оживить героев этой истории?

— Очень просто, сир... Я надену белый купальный костюм...

Людвиг II Баварский отрицательно покачал головой:

— Нет, это выглядело бы неправдоподобно. Ведь под купальным костюмом будет скрыто живое существо, а не белая женщина, которую я смог бы полюбить.

Госпожа де П., слегка испугавшись, отошла в сторону. На следующий день она сказала своей подруге:

— Это безумец какой-то! Подай ему женщину из камня... Ну уж в Тюильри-то ему такую не сыскать...

И она была права.

Женщин, посещавших Тюильри, называть каменными было никак нельзя. Под широкими кринолинами они скрывали дьявольский темперамент, что, кстати говоря, полностью отвечало запросам Наполеона III.

Ибо император, будучи эротоманом, приходил в возбуждение при виде любой юбки. А это значит, что в период с 1852 по 1870 год придворные дамы были полными хозяйками империи. Он с опьянением овладевал ими на сундучке, в тамбуре, на уголке стола, за шторой, в шкафу, и они извлекали из своей внешней слабости большую политическую силу.

И можно сказать, как бы это ни казалось странным, что на протяжении восемнадцати лет Францией правили легкодоступные дамы.

Глава 1

НАПОЛЕОН III ВГОНЯЕТ ИМПЕРАТРИЦУ В КРАСКУ ПОХАБНЫМИ ИСТОРИЯМИ

Стыдливость — вторая рубашка...

Г-жа де Сталь

— **Н**икогда не надо ничего откладывать на потом,— говорил маркиз д'О королю Генриху IV. Да, откладывать действительно не стоит.

Но господин Фуль, начальник отдела записей актов гражданского состояния квартала Тюильри, вернувшись домой 29 января 1853 года, сказал:

— Я только что именем закона объявил Его Императорское Величество и мадемуазель де Монтихо мужем и женой.

И монсеньор архиепископ Парижский был прав, сказав 30 января в полдень, выходя из собора Парижской Богоматери:

— Я только что соединил перед Богом Луи-Наполеона Бонапарта и мадемуазель де Монтихо...

Но на самом деле Эжени стала настоящей французской императрицей только в ночь с 30 на

31 января. Это произошло в замке Вильнев-л'Этан на широкой кровати, которую монарх со свойственной ему страстью постарался превратить в поле боя, предвосхищавшее (в миниатюре), как выразился Пьер де Лано, «долину Рейхсхоффен 6 августа 1870 года после атаки знаменитых кирасиров»...

Биограф Наполеона III мог бы для пущей выразительности сравнить императорское ложе с Севастополем 8 августа 1855 года, поскольку для того, чтобы овладеть «редутом» Евгении де Монтихо, ему понадобились целых одиннадцать месяцев. Ровно столько, сколько потребовалось армии Мак-Магона для овладения Малаховым курганом...

Первая брачная ночь несколько разочаровала императора, предполагавшего, что испанка будет в постели горячей и трепетной. Но, как неестественно выразился Александр Дюма, «ему пришлось иметь дело с женщиной столь же пылкой, каким бывает кипящий чайник»...

И все же медовый месяц Наполеона III и императрицы Евгении прошел в большой нежности.

Император, обрадованный своей победой, веселился и шутил, с мальчишеским задором проявляя свои способности затейника. Всякий раз, садясь за стол, он выкидывал грубоватые шутки. Входя в столовый зал, Наполеон III превращал салфетку в зайца и заставлял ее скакать по столу. Затем он начинал рассказывать анекдоты, лепить из хлебного мякиша фигурки, походившие на высокопоставленных придворных. И наконец, за десертом проделывал восхититель-

ные опыты из занимательной физики. На глазах изумленной Евгении он накрывал стакан с водой листком бумаги и переворачивал его вверх дном, из апельсина делал венецианский фонарь или удерживал в равновесии на кончике ножа бутылочную пробку с двумя воткнутыми в нее вилками...

На все эти проявления мальчишеской любви Евгения отвечала умиленным старанием. Она была избрана, выделена монархом из толпы. В соборе Парижской Богоматери стала законной женой императора, а посему считала, что должна была, как всякая уважающая традиции испанка, проявлять по отношению к Наполеону III знаки расположения и нежности, которые вскоре (и это совершенно понятно) зародились в ее сердце.

По прошествии нескольких дней такой идиллической жизни Эжени попросила мужа отвезти ее в Трианон. В начале своего царствования она пожелала посетить те места, где Мария-Антуанетта прожила свои самые счастливые дни.

Наконец 7 февраля монаршая чета вернулась в Париж, и императрица обосновалась во дворце Тюильри.

И немедленно вписалась в ту роль, которую ей предстояло играть семнадцать лет. Да, именно роль. Ведь не зря она написала своей сестрице Пако:

«Начиная со вчерашнего дня меня называют все “Ваше Величество”, и мне кажется, что все разыгрывают комедию... Когда я играю роль императрицы, то стараюсь вести себя очень естественно...»

И она играла роль самой элегантной, самой улыбающейся и самой изысканной государыни в Европе. Она усердно училась этому у одной актрисы.

Ибо коварная судьба избрала учительницей императрицы комедиантку Рашель, и дворцовая прислуга с удовольствием наблюдала, как бывшая любовница Наполеона III обучает императрицу тонкостям реверанса...

Такое слегка преувеличенное чопорное поведение Евгении не всегда, следует признать, сочеталось с довольно вольным поведением императора. Она всегда называла его «сир» и обращалась на «вы», а он говорил ей всегда «ты» даже на людях. Обращаясь к ней, называл ее просто по имени, произнося его как «Южина»...

Императрицу шокировала вольность речи венценосного супруга, поскольку Наполеон III обладал очень своеобразным словарным запасом и имел явную склонность к похабным историям, которые он знал в огромном количестве...

Однажды он вогнал ее в краску рассказом о случае, произошедшем с капитаном следопытов по фамилии Дюваль. Этого офицера пригласила в гости некая принцесса, на которую он давно поглядывал глазами голодного волка. Собираясь на свидание, он рассказал о приглашении своим приятелям, которые, естественно, не преминули отпустить по этому поводу множество шуточек:

— Когда отправляешься к мадам Пютифар,— воскликнул один из них,— надо быть готовым уйти, как Иосиф...

— Не беспокойтесь,— ответил Дюваль.— Эта принцесса ничем особенным не привлекательна.

Она здорова, как кит, и у меня нет ни малейшего желания становиться ее любовником...

На следующий день приятели спросили Дюваля:

— Ну что?.. Вернулся, как Иосиф?..

Дюваль опустил голову:

— Нет... Как Иов!..

Императрица стала и вовсе пунцовой, когда Наполеон III рассказал об ужасном случае, происшедшем с одним из придворных.

Этот царедворец (виконт Аженор де Б...) был в некотором роде помешан на половом вопросе, причем испытывал наслаждение только с девственницами. И посему дарил баснословные деньги тем зеленым плодам, которые соглашались дозревать с его помощью. И вот одна юная куртизанка, уже прошедшая курс обучения ремеслу с большей половиной личной охраны императора (так называемой Охранной сотней), решила, что и она могла бы погреть руки на столь ярко выраженной склонности виконта полакомиться «свежатинкой». Она направилась к одной старухе-сводне, которая знала рецепт мази, позволявшей женщинам имитировать невинность, и купила у нее за большие деньги целую банку этой мази.

Спустя несколько дней, наложив чудодейственную мазь в нужное место, она встретила с виконтом. Тот, обезумев от радости, всерьез подумал, что имеет дело с девственницей.

Однако на следующее утро прекрасный Аженор, войдя в туалетную комнату своей новой любовницы, обнаружил на столике перед зеркалом баночку с мазью. Поскольку у него были

обветрены губы, он решил, что неплохо было бы смазать их находящимся в баночке жирным веществом. Увы! Как рассказал один автор мемуаров, «к его огромному удивлению, губы его слиплись и сжались до такой степени, что весь рот стал представлять лишь такое маленькое отверстие, что туда не пролазил даже палец...».

Услышав эту историю, Евгения оскорбилась, как никогда...

Мартовским вечером 1853 года во дворце Тюильри проходил большой костюмированный бал. Император через полуприкрытые ресницы поглядывал на придворных дам «с видом лиса, стерегущего курятник».

Вдруг взор его загорелся. В зале появилась некая молодая женщина в странном наряде: вырез ее платья был настолько глубоким, что давал возможность увидеть почти полностью самую красивую в мире грудь.

Император дрожащей рукой принялся тереть свои усы...

Императрице Евгении это зрелище удовольствия не доставило вовсе. Больше того, оно возмутило ее.

— Плечи показывать надо,— произнесла она,— но не до самого же пупка!

В этот момент декольтированная молодая женщина обратилась к президенту Дюпену, не отводившему взгляда от столь смелого декольте:

— Почему вы так пристально меня разглядываете, мсье президент?

Господин Дюпен ответил комплиментом:

— Дорогая мадам, я восхищен оригинальностью вашего наряда... Что же он символизирует?

— Я — Амфитрита, богиня моря...

Господин Дюпен улыбнулся:

— Ах, Амфитрита!.. Ну да, конечно, богиня моря... Но сейчас на море, наверное, отлив?..

Покраснев от смущения, молодая женщина ретировалась.

Императрица слышала этот диалог. Но он ее отнюдь не развеселил, как можно было бы ожидать. Напротив, она показала, что шокирована этой грубой шуткой. И несколько месяцев после этого случая она не приглашала Дюпена на свои приемы...

Ибо Евгения, несмотря на свою вольную юность, была очень стыдлива. Ее суровое отношение к распутству сопровождалось, кстати, ненавистным отношением к постельным забавам. Будучи лишена сексуальности, бедная императрица называла «грязными» галантные выходы своего мужа...

Многочисленные анекдоты показывают непримиримое отношение императрицы к вольным словам и поступкам.

Однажды Проспер Мериме, показывая ей аббатство Клуни, наклонился и прошептал ей на ухо:

— Здесь я запрещаю вам поднимать голову вверх!

Евгения гордо подняла подбородок:

— Хотела бы я знать, кто именно сможет мне запретить что-либо! — произнесла она немедленно.

И, подняв голову, увидела над собой фреску, на которой художники XIII столетия смешали порок, символизм и распутство. Там был изображен монах, довольно-таки фамильярно общающийся с толстенной свиньей...

Побледнев от гнева, Евгения сильно ударила по руке Мериме зонтиком от солнца.

— Так, значит, вы добивались должности смотрителя исторических памятников только для того, чтобы показывать мне подобные гадости? Тогда примите мои поздравления!..

И потребовала у ошеломленного автора «Коломбы» немедленно отвезти ее в Тюильри.

Отметим, что эта чрезмерная стыдливость сочеталась с некоторой наивностью. Придворные обратили на это внимание во время посещения императрицей одной из выставок. Остановившись перед статуей, названной «Целомудрие», она высказала свои замечания:

— Плечи слишком уж узки. Это некрасиво!

Сопровождавший ее Нойверкерке позволил себе заметить на это, что фигура юной девы и должна быть менее развитой по сравнению с фигурой женщины и что «эта неразвитость тела и является частью целомудрия».

И тогда императрица ответила с присущей ей категоричностью, даже не подумав о том, как могут истолковать ее слова извращенные умы:

— Можно оставаться целомудренной и не будучи узкой в бедрах! Я не вижу никакой связи!..

Официальные лица с трудом удержались от смеха...

Из-за своей стыдливости, строгости взглядов и нерасположенности к любовным забавам Евгения начала конфликтовать с придворными дамами. Ведь Тюильри был царством беспорядка и красоты, блеска и сладострастия...

Вот описание двора, сделанное современником, графом Орасом де Вьель-Кастелем:

«Что касается женской добродетели, то тем, кто меня об этом спросит, я могу дать один лишь ответ: женщины очень похожи на театральный занавес, поскольку каждый вечер их юбки поднимаются и опускаются раза по три.

Женщин уже даже не удовлетворяют мужчины, и среди них все более широкое распространение получает лесбиянство.

В наше время все живут только чувствами, и женщинам нет отказа ни в чем, все их капризы удовлетворяются.

Педе... теперь уже больше не осуждаются; маркиза де Кюстина все теперь считают человеком порядочным.

Если вы не станете трогать пороки соседа, он будет щадить ваши собственные пороки.

Светская беседа едва прикрывает развратность мысли. Женщины с ума сходят от игривых слов, то есть от похоти, обличенной в благопристойную словесную оболочку. И это называется “**уметь вести себя в обществе**”.

Если мужчина спросит женщину прямо: “Не желаете ли переспать со мной?”, это будет расценено как хамство, плохой тон. Но коли он промолвит ей страстно “Я без ума от вас!” и бесцеремонно сотворит с ней все, что захочет, она будет считать его человеком с хорошими манерами, очаровательным»¹.

Стыдливость бедной императрицы, сами понимаете, ежедневно подвергалась суровым испытаниям. Тем паче, что император на пару с Морни находил наслаждение в том, чтобы проучить ее, а посему сообщал ей обо всех скандалах на любовной почве, происходивших в высшем свете. Так, однажды утром, они рассказали ей о

происшествии с Мари д'Агу. Нам же о нем повествует все тот же господин де Вьель-Кастель:

«Графиня д'Агу была в свое время похищена Листом, от которого родила троих детей. Затем, вернувшись в Париж, она стала любовницей Эмиля де Жирардена, Лема и т. д... И наконец, эта женщина превратилась в социалистическую писательницу под псевдонимом Даниель Стерн.

Однажды вечером, когда мы вдвоем пили чай, сидя у камина, она сказала:

— Я как-то раз попыталась было понять, какое это наслаждение — принадлежать одновременно двум мужчинам.

— Как это? — спросил я.

— Как? — произнесла она в ответ. — Вы ведь ели сэндвичи?

— Да.

— И знаете, как их готовят?

— Еще бы, черт возьми! Берется ломтик хлеба, намазывается с одной стороны маслом, а на другую сторону кладется ветчина².

— Вот именно! Так вот я и приготовила сэндвич, в котором ломтиком хлеба была сама...»

Можно было себе представить чувства Евгении, когда она узнавала о подобного рода развлечениях...

Глава 2

ИМПЕРАТРИЦА ЕВГЕНИЯ, УЗНАВ ОБ ИЗМЕНЕ МУЖА, НЕ ПУСКАЕТ ЕГО В СВОЮ ПОСТЕЛЬ

Ни разу не случилось так, чтобы опала характер королевский исправляла.

Беранже

Как-то вечером на одном из праздников в Тюильри Наполеон III бродил по гостиным с очень озабоченным видом. Заинтересовавшись этим, принцесса Матильда остановила императора и спросила, что его угнетает.

— У меня ужасно болит голова,— ответил император.— А кроме того, меня преследуют три женщины.

— Как вы можете устраивать себе такую жизнь? Три женщины — это просто безумие!

Взяв кузину за руку, он указал ей на трех своих воздыхательниц:

— Видите ли, на первом этаже находится блондинка, с которой я хочу порвать. На втором

меня поджидает дама, безусловно, очень красивая, но чрезвычайно надоедливая. А на третьем этаже за мной охотится еще одна блондинка, которая меня домогается и не дает проходу.

Принцесса Матильда улыбнулась:

— А... как же императрица?..

Наполеон III пожал плечами:

— Императрица? Ей я был верен целых шесть месяцев после свадьбы... Но ведь мне нужно же развеяться... Я не могу жить монотонно... И потом, это позволяет мне с удовольствием возвращаться к ней...³

Последняя фраза, хотя и претендовала на галантность, была насквозь лживой. Ибо на самом деле Наполеон III не испытывал ни малейшего удовольствия от исполнения супружеских обязанностей со своей фригидной женой и ложился к ней в постель только по велению долга. Стелли сообщает нам, что «когда император с нафабреными усами и холодной головой приходил поработать с императрицей, он действовал прилежно, устремив взор своих голубоватых глаз в мечты о продлении династии»...

При таких обстоятельствах мы вправе задать себе вопрос: не поставит ли ветреному Наполеону III в заслугу то, что он смог сохранить верность Евгении на протяжении целых шести месяцев?..

После этих ста восьмидесяти дней, проведенных в мудрости и постоянстве, император, будучи не в силах сдерживаться далее, набросился однажды вечером на очаровательную блондинку, немного, правда, взбалмошную, чей взор с некоторых пор пленял придворных мужчин.

Звали ее госпожой де Лабедуайер.

Она была, по выражению Фредерика Лолье, «украшением балов и званых вечеров. Днем ее лицо было каким-то бесцветным и непривлекательным. А вот вечером все в ней оживало, и без применения каких-либо средств глаза ее начинали гореть синим пламенем, лицо начинало румяниться».

Госпожа де Меттерних высказалась еще более категорично:

— Когда появляется мадам де Лабедуайер, создается впечатление, что зажгли дополнительную люстру...

Наполеон III, как ослепленный мотылек, начал порхать вокруг этой сверкающей женщины. Да так активно, что вскоре весь двор был уверен в том, что недалек тот час, когда у Ее Императорского Величества вырастут рожки...

Что вскоре и случилось.

И все тогда заметили, что госпожа де Лабедуайер стала появляться в Тюильри с выражением возбуждения на лице, «красноречиво говорившим о тех знаках внимания, которые оказывал ей император».

В течение некоторого времени она могла позволить себе почти все: придворные, разумеется, прощали ей любые выходки. Одна из ее выходок была довольно потешной. Как-то вечером на приеме госпожа де Лабедуайер увидела, как в гостиную вошла маленькая темноволосая и смуглая женщина, с которой она не была знакома. Наклонясь к оказавшемуся рядом господину Руеру, она спросила:

— Это еще что за пигалица?

Министр с улыбкой поклонился:

— Это — моя жена, мадам...

Смутившись, госпожа де Лабедуайер извинилась за «пигалицу» и, покинув господина Руера, подошла к группе своих приятелей.

— Со мной только что приключилась самая забавная и неприятная история,— сказала она.— Разговаривая с мсье Руером, я увидела, как в зале появилась какая-то маленькая смуглолицая дама... Вон она, видите... Так вот, я воскликнула: «Это что за пигалица?»...

— На что я имел честь ответить вам: «Мадам, это — моя жена»...

Резко обернувшись, госпожа де Лабедуайер увидела перед собой продолжавшего улыбаться господина Руера...

Мериме был прав, говоря про Наполеона III: «Он пыжится, как кот, недели две, а потом, добившись своего, остывает и больше об этом не думает вовсе». И императору, действительно, очень скоро надоела эта очаровательная, но вечно попадающая впросак женщина.

Для того чтобы отблагодарить ее за доставленные ему приятные моменты, он сделал ее мужа — уже камергера — сенатором. А потом обратил свой взор на прелести других дам⁴.

После полугода тихой и размеренной жизни ему требовалось пожить бурно. И он снял на улице Бак, располагавшейся между набережной и бульваром Сен-Жермен, небольшой особняк и устроил в нем свое любовное гнездышко. Вечерами, надев голубой плащ и серые брюки со штрипками, напялив на голову простую шляпу и прихватив трость из рога носорога, он выходил из Тюильри через потайную дверь, за которой его ожидала карета с двумя телохранителями,

и отправлялся на улицу Бак. Там он встречался с актрисами, кокетками, субретками, светскими женщинами, куртизанками...

Ему нравились все. Он признался в этом однажды, когда в Тюильри играли в загадки и всем было предложено ответить на такой вопрос: «Какая из женщин более подходит для занятий любовью с точки зрения чисто чувственной: дама из высшего света или куртизанка?»

Когда пришел черед отвечать, Луи-Наполеон сказал:

— Для любви пригодны все женщины, какого бы социального происхождения они ни были. Главное — чтобы были чувственными и элегантными!

А потом с улыбкой добавил:

— В саду, куда никто не может проникнуть, растут великолепные плоды, которыми наслаждается один владелец сада. Но почему же в доступном для всех саду не могут произрастать столь же сладкие плоды?

Любовь императора к женскому полу привела его однажды к очень пикантному происшествию. Как-то вечером на одном из праздников император, проходя через маленькую темную гостиную, увидел лежащую на канаве фигуру в юбке. Приблизившись, он сунул руку под юбку, погладил ногу и позволил себе некоторые вольности. В ответ раздался дикий крик. И Наполеону III ничего не оставалось делать, как принести свои глубочайшие извинения епископу Нансийскому, который, устав от суеты праздника, прилег на минутку на канаве и сладко задремал...

Евгения, разумеется, даже и не подозревала об этих выходках императора. Она скользила

прекрасным белым лебедем над сомнительной чистоты водой придворной пошлости. Казалось, ничто ее не трогало. На балах, где, по выражению одного из авторов мемуаров, «взгляды были не чем иным, как призывом к разврату», она улыбалась слегка грустной и чуточку натянутой улыбкой фригидной женщины.

Оказавшись по милости естества вне течения, влекущего мужчин и женщин к сладострастию, она не могла себе представить, как это люди могут страдать от любви и жаждать ее. Кроме того, ослепленная собственной красотой, она и в мыслях не допускала, что император сможет предпочесть ее какой-либо другой женщине.

А посему, когда Евгения узнала о том, что император возобновил роман с мисс Ховард, удивлению ее не было границ...⁵

Это возрождение старой связи имело место в конце июня. А уже 2 июля «наблюдатель» написал в рапорте префекту полиции Мопя:

«Все говорит за то, что Луи-Наполеон полностью восстановил отношения с мисс Ховард, что привело к появлению небольших облаков на семейном небосклоне императорской четы»⁶.

Тот полицейский любил выражаться красиво. На самом же деле эти «небольшие облака» были настоящей грозовой тучей, которая сотрясла Тюильри. Императрица терпеть не могла, когда трогали ее вещи. Это было нечто вроде маньячества. Увидев сдвинутую с места подушку в своей коляске, она бледнела от гнева. И можно себе представить ее ярость и огорчение при мысли о том, что мисс Ховард могла своей трепетной

рукой изменить порядок расположения императорских вещей или еще чего-либо...

Несколько недель подряд во дворце происходили ужасные сцены. Довольные этим зрелищем слуги и придворные не отрывали уха от личных апартаментов императорской семьи. 21 августа префект полиции отметил для себя:

«Императрица, узнав, что император снова сблизился с мисс Ховард (по мнению одних) или вступил с ней в переписку (по мнению других), вроде бы выразила своему августейшему супругу намерение покинуть Сен-Клу и уехать из Франции, если император не соизволит позаботиться о своем достоинстве и не уяснит себе, чем он обязан женщине, которую избрал себе в жены. Потом якобы имела место бурная сцена. Ее Величество императрица вроде бы заявила императору, что ей не нужен трон, что ей дорог муж. Что выходила она замуж не за монарха, а за человека. Что первая же его измена будет причиной их разрыва... Император, всегда спокойный и мягкий, даже когда бывает неправ, вроде бы успокоил разгневанную супругу, пообещав ей, что прекратит переписку с указанной особой».

Но Наполеон III слова своего не сдержал, ибо на следующий день господин Мопа снова написал:

«22 августа 1853 года. Мисс Ховард берет верх, к крайнему неудовольствию императрицы. Капризы бывшей любовницы дорого стоят... Совсем недавно пришлось выдать ей 150 000 франков по настоянию мсье Мокара, уверявшего, что это нужно для того, чтобы немного успокоить ее...»

Мисс Ховард доставляло удовольствие, смешанное со злорадством, попадаться на пути следования монаршей четы и приветствовать Наполеона III и Евгению. Императрица, глядя прямо перед собой, раздувала ноздри, а император отвечал на приветствие широким взмахом шляпы...

Послушаем Фукье:

«Когда двор находился в Версале, я несколько раз был приглашен к Бриану в Лож, что неподалеку от дворца. Никак не могу забыть историю, которую рассказала мне мадам Бриан-мать и которая так характерна для своей эпохи. Наполеон III прибыл в Версаль для того, чтобы провести смотр войскам лагеря Сатори. После торжественного прохождения войск император направился к ожидавшей его карете. Это была карета мисс Ховард... и она должна была отвезти его в замок Борегар, что неподалеку от Шене. Для того чтобы сменить военную форму на партикулярное платье, император снял в карете кепи и накидку, надел на голову цилиндр и плащ, оставив красные военные брюки и лакированные сапоги. Все, кто видел, как он в этом странном наряде ехал в коляске мисс Ховард, надолго запомнили это. Все объяснялось любовью к прекрасной англичанке...»⁷

Императрица, естественно, узнала обо всем этом. Но на сей раз она не стала бить тарелки, не произнесла ни единого оскорбления, а просто-напросто заявила, «что прекращает супружеские отношения и больше не позволит своему господину и повелителю войти в супружескую спальню»...

Наполеона III это очень огорчило, поскольку он по-прежнему хотел заложить основу своей династии. А Евгения была единственной в мире

женщиной, которая могла дать ему наследника престола. И поэтому ему нужно было любой ценой получить доступ в императорскую постель.

И вот Наполеон III, скрепя сердце, попросил мисс Ховард покинуть Францию и пожить некоторое время в Англии, где, кстати, согласно условиям их договора, она должна была подыскать себе мужа.

Убитая горем Хэриетт сдалась. С изменившимся от огорчения лицом, она спустя несколько дней после этого разговора уехала в Лондон, увезя с собой своего сына и двух незаконнорожденных мальчиков, появившихся на свет благодаря стараниям Луи-Наполеона у Элеоноры Вержо в форте Ам...

И только тогда Евгения снова открыла императору дверь своей спальни, и он устремился в супружеское ложе полный желания выковать следующее звено в цепочке Бонапартов...

Увы! Шли месяцы, а у императорской четы все никак не появлялась надежда на появление на свет наследника. Евгения, у которой в апреле 1853 года был выкидыш, впала в отчаяние.

Охваченный злостью от того, что напрасно потратил столько сил на женщину, к которой не чувствует никакого полового влечения, Наполеон III снова обратил свой взор и все остальное на доступных и, как выразился Ламбер, «активно работающих ягодицами» девиц: хотя они и не могли подарить ему дофина, но уж, по крайней мере, были в состоянии доставить ему глубокое удовлетворение...

8 февраля 1854 года несчастная императрица вдруг узнала о том, что муженек изменяет ей с некоей юной актрисой и что вот уже несколько

месяцев, как мисс Ховард, вернувшись в Париж, живет в своем особнячке на улице Цирка... Она заперлась в своей комнате и дала волю слезам. Эта печаль, к которой примешивалось чувство унижения и стыда за то, что она никак не может родить императору наследника, стала скоро достоянием гласности. 7 февраля «наблюдатель» написал префекту полиции:

«Императрица находится в глубокой тоске, которую можно объяснить или горечью за то, что она не может родить ребенка, или отношением к ней со стороны супруга. Здесь сильно замешана и некая мадемуазель А..., которая, судя по всему, сегодня является удачливой соперницей императрицы. Старая любовь к мисс Ховард, переросшая в дружбу, тоже, кстати, продолжает иметь место, и визиты на Елисейские Поля очень часты...»

На сей раз императрица избрала новую тактику. Она решила, что для того, чтобы вернуть мужа, единственным средством мог быть ребенок. И теперь сама начала просить императора навещать ее каждый вечер...

Настойчивость эта вскоре увенчалась успехом: в мае Евгения объявила Наполеону III, что она беременна⁸.

Увы! Спустя три месяца у нее снова был выкидыш.

Придворные забеспокоились:

— Этак у нас никогда не будет дофина!..

Узнав об этих разговорах, Наполеон III пришел в ярость и пригласил в Тюильри известного акушера Поля Дюбуа.

— Соблаговолите осмотреть императрицу!..

Дюбуа был человеком очень застенчивым. При мысли о том, что ему придется совать пальцы в место, предназначенное только Его Величеству, он перепугался:

— Лучше я пришлю вам повитуху из родильного дома,— пробормотал он.

— Вы хотя бы взгляните,— дружески предложил император...

Но Дюбуа, покраснев, наотрез отказался.

А на следующий день во дворец пришла повитуха. Склонившись над Евгенией, она долго ее осматривала. Наконец, подняв голову, она произнесла:

— Все в совершенном порядке, государь!

Франция с облегчением вздохнула...

Когда придворным стало известно заключение повитухи, кое-кто начал поговаривать о том, что «недостатком страдает», возможно, не императрица, а сам император. Самые смелые дошли даже до того, что стали утверждать, что половые излишества, которым монарх предавался на протяжении двадцати лет, вполне могли снизить его детотворную способность.

— Он поизносился,— говорили они.

Другие были более снисходительны. И уверяли, что заботы, осаждавшие Наполеона III в начале 1854 года, мешали ему навещать императрицу «в обычном для него боевом настроении».

Барон де В... в письме своему шурина высказал это мнение грубовато, но коротко и ясно:

«Вспомните о том,— писал он,— что Францию изнуряет холера, что последний урожай был просто катастрофическим и что нам грозит война с Россией... Подумайте сами, как он может... оплодотворять!..»⁹

Действительно, забот у императора хватало. Царь, задумав захватить Константинополь, овладел к концу 1853 года дунайскими княжествами и снаряжал в Севастополе мощный флот. Заключив союз с Англией и заручившись нейтралитетом Австрии и Пруссии, Наполеон III решил дать первый сигнал к сопротивлению экспансии России и отдал приказ базировавшемуся в Средиземном море французскому флоту взять курс на Саламин, а при возникновении малейшего конфликта войти в Черное море.

В конце февраля к французам присоединился английский флот.

Европа стояла на пороге войны.

И Наполеон III, заявивший во время коронации: **«Империя — это мир»** (это красивое выражение тогда всем понравилось), чувствовал себя очень неловко...

В марте русские разбили турецкую флотилию у Синопа, что явилось сигналом к началу боевых действий. Франко-английский флот вошел в Черное море, а 27 февраля Франция объявила России войну, что заставило бросить тысячи людей в «Севастопольское горнило», позволило парижанам узнать о существовании Крыма, а бывшей императорской любовнице блеснуть своим красноречием.

В момент объявления войны Рашель была в Санкт-Петербурге, где с успехом прошла целая серия представлений с ее участием. С большим сожалением она была вынуждена уложить чемоданы и возвратиться во Францию. Но перед отъездом она была приглашена на ужин в ее честь, устроенный гвардейскими офицерами.

Не желая отказывать офицерам, которые еще вчера так горячо ей аплодировали, она приняла приглашение.

На десерт подали шампанское. И тут поднялся некий молодцеватый полковник с бокалом в руке:

— Мы не говорим вам «прощайте», мадам... мы говорим «до свидания»! Потому что,— добавил он под одобрительный хохот сослуживцев,— скоро мы будем в Париже, и уж тогда-то мы выпьем за ваше здоровье и за ваш талант!..

Рашель и бровью не повела. Поднявшись со стула, она с улыбкой произнесла в ответ:

— Господа, я горячо благодарна вам за прием и за ваши пожелания. Но должна вас предупредить о том, что у Франции не хватит средств на то, чтобы угощать шампанским военнопленных!..

Вечер был безнадежно испорчен...

Когда тридцать тысяч французских солдат были отправлены в Крым, где к ним должны были присоединиться двадцать пять тысяч англичан, Наполеон III смог облегченно вздохнуть.

Война началась, и теперь он снова мог проявлять интерес к императрице.

Увы! Та вскоре начала жаловаться на боли, «появившиеся вследствие частых знаков внимания со стороны императора», и врачи предписали ей отдых в Биаррице.

И в самый разгар войны двор покинул Тюильри и отправился отдыхать на Атлантическое побережье.

Сразу же по прибытии туда Наполеон III решил, что для того, чтобы императрица лучше отдохнула, следовало отменить соблюдение этикета.

— Не надо никаких почестей, никаких аудиенций,— сказал он придворным.— Мы здесь все друзья!..

И таким образом, ежедневно после ужина императрица устраивала у себя игры, в которых принимали участия все. Даже сам император с удовольствием прыгал через стулья, кресла, канапе...

А поскольку завсегдатаи двора были «большими любителями потереться», развлечения на вилле у Евгении вскоре приняли довольно непристойный характер. И Шарль Симон сообщает нам, что самыми любимыми развлечениями двора были «игры с сомнительными прижиманиями, сменявшимися забавными кульбитами; юбки в этих играх были очень широкими, а брюки — открытыми...».

Некоторые игры были и впрямь довольно любопытными. Послушаем еще раз свидетельство Шарля Симона:

«Один человек становится на четвереньки и кладет голову на колени сидящей на стуле дамы. Остальные мужчины и женщины взбираются к нему на спину до тех пор, пока он не рухнет и эта человеческая гроздь не превратится в кучамала. Веселую и иногда приятную.

Существовало еще одно, совершенно наивное развлечение. Участники игры усаживались в кружок, полусогнув ноги, так чтобы ступни дам и кавалеров прилегали друг к другу. Затем в середину бросался браслет, носовой платок, а то и просто чья-нибудь туфелька, которую надо было пропустить под коленами каждого игрока. А один человек, находившийся вне круга, «кошка», должен был схватить этот предмет, который перемещался под брюками и широкими юбками. Слу-

чалось, что предмет этот слишком долго задерживался в каком-нибудь месте. Тогда “кошка” должна была поймать “мышку”, что придавало игре приятный оттенок...»

Даже простая игра в прятки на этих вечерах теряла свою безобидность и приобретала оттенок сладострастия:

«Однажды вечером некая дама, с удовольствием возлагавшая дань на алтарь Лесбоса, захотела завоевать некую молодую женщину, которая ей очень нравилась. Ловко проследив, в каком направлении убежала ее будущая жертва, она направилась сразу же в то место, куда та, по ее расчетам, должна была спрятаться. В потемках она напала на жертву, стала столь недвусмысленно ласкать и целовать, обняла ее так крепко, что особа, подвергшаяся столь активным ласкам, возмутилась и подала голос. Какой ужас! Произошла ошибка, и все ласки достались некоему старому уроду, перед которым потом пришлось долго и униженно извиняться!...»¹⁰

И наконец, в Биаррице, как потом это будет происходить и в Компьене, развлекались, строя живые картины.

Это развлечение, заключавшееся в том, чтобы изобразить галантные сцены, чаще всего из мифологии, вскоре послужило причиной написания одного весьма любопытного письма, которое написала девушка-подросток.

Дочка маршала Маньяна, которой было поручено представлять Эроса, написала отцу:

«Дорогой папочка, сегодня вечером я представляюсь Амуром¹¹, пришлите мне поэтому все необходимое...»

Можно представить себе лицо маршала, когда он прочел подобное послание...

27 августа Наполеон III уехал из Биаррица в Булонь, где должен был встретиться с супругом королевы Виктории принцем-консортом Альбертом.

Евгения осталась одна со своими приближенными дамами.

И сразу же ее недоброжелатели стали шептаться о том, что молодая монархиня воспользуется этой свободой для того, чтобы «украсить голову императора предметом, который сама она по его милости носит вот уже год...».

Но такое про Евгению мог сказать только тот, кто ее плохо знал. Да, она была одна и свободна, она вполне могла бы своим испанским кокетством вскружить голову любому. Но она предпочла другое...

Она была увлечена спиритизмом. С некоторых пор она вызывала и беседовала с душами великих людей прошлого.

Некоторые из них, особенно предрасположенные к интригам, дали ей самые подробные сведения о прекрасных фаворитках императора. И если верить уважаемым историкам, именно таким странным способом она узнала о связи Наполеона III с госпожой де Лабедуайер...

В Биаррице Евгения спрашивала у духов о Крымской войне, желая узнать, долго ли она продлится и сможет ли франко-английский флот потопить русские корабли. Но духи были не очень-то разговорчивы, и императрице пришлось довольствоваться — без потусторонней помощи — всеобщим оптимизмом...¹²

18 сентября она покинула Биарриц и переехала в Бордо, ее ждал император. При встрече с

женой Наполеон III проявил ребяческую радость. В присутствии собравшейся на ступенях вокзала толпы он страстно расцеловал ее руки и нежно взял под руку. Эта нежность растрогала простой люд...

На другой день монархи отбыли из Бордо на парижском экспрессе¹³ и вскоре благополучно прибыли в Тюильри.

Пребывание в Биаррице и частые морские купания оказали очень благотворное действие на здоровье Евгении. И поэтому врачи посоветовали Наполеону III «возобновить опыты в супружеской постели».

Всю зиму император отважно старался быть на высоте. Увы! Как и франко-английский экспедиционный корпус, топтавшийся на месте под Севастополем, император, как сказал нам А. де Сазо, «не мог составить победную реляцию»...

Вполне понятно, среди придворных пошли самые гнусные сплетни. Люди, утверждавшие, что они хорошо осведомлены, говорили, что у императрицы был некий дефект, заставлявший императора совершать утомительные акробатические упражнения. Другие рассказывали о том, что в юном возрасте Евгения была лишена невинности неким испанским офицером, столь щедро наделенным природой, что он изувечил ее... И наконец, были и такие — более снисходительные, — кто ограничивался лишь тем, что, пожимая плечами, заявлял, что Наполеон III женился на пустой редиске...

Все эти разговоры, вполне понятно, доводились до сведения императора, и бедняга очень от этого страдал. И очень обрадовался, когда в начале 1854 года в Париже разразилось несколько сканда-

лов, заставивших недоброжелательно настроенных придворных переключить свое внимание.

Первый из этих скандалов разразился 13 января. Вот что рассказывает об этом сплетник Вьель-Кастель:

«В свете вполголоса говорят о деле мадам де Нансути, урожденной Перрон, которая с некоторых пор стала вести себя с показной набожностью, почти перестала появляться в свете и больше не носила украшений. Когда мужу захотелось взглянуть на ее украшения, она их ему не показала. Тогда он вспылил, схватил ключ от секретера, открыл его. Но никаких украшений в нем не обнаружил!.. Поискал еще... Ничего!.. А мадам де Нансути пропажу их объяснить отказалась.

Тогда граф де Нансути обратился за советом к комиссару полиции. Тот подсказал средство: обыскать весь дом. Мадам де Нансути проведению обыска не противилась, оставаясь холодной, высокомерной и бесстрашной. Драгоценности были обнаружены у горничной, и та заявила, что они были подарены ей хозяйкой. На это граф де Нансути сказал:

— Если бы ваша хозяйка подарила вам эти украшения, она сказала бы об этом нам, поскольку знала, что комиссар будет обыскивать весь дом. Вы всего-навсего воровка!

Придя в отчаяние от перспективы быть арестованной и предстать перед судом присяжных, горничная закричала:

— Хорошо же! Коль дело оборачивается так и хозяйка не защищает меня, я вам расскажу все. Знайте, эти украшения действительно принадлежат мне: я — любовница мадам, а для того чтобы уложить меня в свою постель, она подарила мне эти драгоценности...

Услышав это признание, граф с комиссаром спустились в комнату графини. Та, потеряв все свое хладнокровие, впала в нервный припадок и истерически зарыдала.

А горничная надменно перечислила всех своих “любовниц”. Среди них была и маркиза д’Ада. Служанка еще раз подтвердила свои права на драгоценности и в конце концов потребовала еще 80 000 франков за молчание...»¹⁴

Второй скандал случился также с дамой света, склонной к извращениям... Разразился он 31 января. В тот день стало известно, что маркиза де Бомон, урожденная Дюпюитрен, была обнаружена в публичном доме «во время занятий преступной любовью»...

Всех это весьма повеселило.

Увы! Главы государств не могут рассчитывать бесконечно на выходки своих подданных для того, чтобы повеселить страну. Эти истории были в скором времени забыты, и двор снова начал иронизировать по поводу бесплодия императрицы.

Опечаленные этим венценосные супруги в апреле отправились в Лондон, куда их пригласила королева Виктория. Растроганные оказанным им сердечным приемом, они в один из вечеров поделились с молодой, но уже многолетней королевой своей печалью по поводу отсутствия у них наследника. Виктория не любила витийствовать попусту, объясняться намеками:

— Экая сложность! А вы подкладываете под спину императрицы подушку!..

Совет этот был до того хорош, что спустя два месяца Евгения с радостью сообщила императору о том, что тот вскоре станет отцом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1.** *Наполеон III вгоняет императрицу
в краску похабными историями 9*
- Глава 2.** *Императрица Евгения,
узнав об измене мужа, не пускает
его в свою постель 19*
- Глава 3.** *Любопытный дневник
графини де Кастильоне 38*
- Глава 4.** *Госпожа Кастильоне соблазняет
Наполена III по приказу
короля Пьемонта 49*
- Глава 5.** *Ночью во время праздника
Наполеон III становится
любовником госпожи Кастильоне 60*
- Глава 6.** *Триумф госпожи Кастильоне:
Наполеон III решает вмешаться
в итальянские дела 80*
- Глава 7.** *Скандал на всю Европу:
императрица Евгения сердится 90*
- Глава 8.** *Французский император
становится любовником
«насмешницы Марго» 100*

- Глава 9.** *Экстравагантная выходка императрицы Евгении на сельском празднике 119*
- Глава 10.** *Флирт Евгении втягивает Францию в губительную для нее мексиканскую войну 129*
- Глава 11.** *Бачьокки «пробовал» любовниц Наполеона III 145*
- Глава 12.** *Наполеон III встречается с госпожой де Мерси-Аржанто в ризнице 154*
- Глава 13.** *Маркиза де Пайва — агент Бисмарка 169*
- Глава 14.** *Находясь в заточении в Пруссии, Наполеон III нуждается в нежности Евгении 191*
- Глава 15.** *Последняя любовница Наполеона III пытается сломить упрямство Бисмарка 217*
- Глава 16.** *Женщины во время осады Парижа 228*
- Глава 17.** *Коммунары хотели превратить коллективное сожительство в норму общественной жизни 245*
- Глава 18.** *На похоронах Наполеона III присутствовала только одна из бывших фавориток 252*

Глава 19. <i>Леония Леон делает из Леона Гамбетты джентльмена</i>	264
Глава 20. <i>Госпожа Тьер заставляет мужа прекратить политическую деятельность</i>	287
Глава 21. <i>Графиня де Шамбор посчитала себя слишком уродливой для того, чтобы стать королевой Франции</i>	297
Глава 22. <i>Первый светский скандал Третьей республики</i>	309
Глава 23. <i>Была ли Леония Леон агентом Бисмарка?</i>	320
Глава 24. <i>Была ли Леония виновницей драмы в Жарди?</i>	350
Библиография	371
Примечания	376

ГИ БРЕТОН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

в 10 томах

- Том I* **Любовь,
которая сотворила историю**
- Том II* **От Анны де Боже
до Марии Туше**
- Том III* **В интимном окружении
королев и фавориток**
- Том IV* **От великого Конде
до Короля-Солнце**
- Том V* **Век распутства**
- Том VI* **Любовь «по-санкюлотски»**
- Том VII* **Наполеон и его женщины**
- Том VIII* **Наполеон и Мария-Луиза**
- Том IX* **Эжени флиртовала...**
- Том X* **Загадочные женщины XIX века**

Литературно-художественное издание

БРЕТОН ГИ

**ИСТОРИЯ ЛЮБВИ
В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ**

ТОМ 10

ЗАГАДОЧНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

XIX ВЕКА

Перевод с французского В. В. Егорова

Ведущий редактор серии *Н. В. Комарова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать 14.07.2018 г.
Формат 84×90/32. Гарнитура «Miniature».
Печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23
E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru